

Будущее России глазами политолога

Т.А. Алексеева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на книгу: Мигранян А. 2022. *Имеет ли будущее Россия?* Москва: Аспект пресс. 678 стр.

Ключевые слова: Россия, демократический транзит, Советский Союз, США, «перестройка», теория демократии

Сборники статей учёных и публицистов, опубликованные в связи с юбилеями и как бы подводящие итог научной деятельности, сегодня вошли в моду. Но довольно часто они отражают только важные вехи в творчестве авторов, значимые для них самих и ближайшего окружения или части коллег. Но есть книги, которые как в зеркале отражают эпоху, со всей её противоречивостью, неоднозначностью и динамизмом, когда автор не только интерпретатор происходящего, но его непосредственный участник, самостоятельно, а не в пересказе повлиявший на настроения и взгляды политиков, учёных и рядовых читателей. Он как бы пропустил историю через себя. Именно к этой категории относится недавно опубликованная книга известного российского политолога, историка, общественного деятеля Андраника Миграняна под знаменательным названием «Имеет ли будущее Россия?»

Книга большая, в неё включено много работ, которые охватывают целый ряд разделов общественных наук и особенно политической науки: представлены статьи, посвящённые теории демократии, транзитологии, тексты, связанные с альтернативной моделью социализма и т.д. Иными словами, книга посвящена тем проблемам, которые были в центре общественного и научного обсуждения начиная с 1980-х гг. Есть работы чуть ли не по каждой из основных проблем теории демократии, например, о роли государства, проблеме свободы, равенства, справедливости и т.д.

УДК: 32

Поступила в редакцию: 10.04.2022 г.

Принята к публикации: 16.06.2022 г.

Собранные в этой книге начиная с 1982 г. и в особенности с 1985 г., т.е. начала «перестройки», статьи стали основой дальнейших теоретических рассуждений. Как говорил сам А. Мигранян, выпускник МГИМО, жизнь человека похожа на шахматы, причём можно выступить и в качестве наблюдателя за игрой, а можно и в качестве шахматиста, разыгрывающего партию. Но так как он воспринимал политику как свою профессию, он в шутку всегда говорил, что «я следил за игрой, думая, а вдруг представится возможность, и я сяду и буду готов для продолжения игры». Правда, он не стал практикующим политиком, но в политической науке он фактически был готов к тому, чтобы на большое количество вызовов, встававших в годы «перестройки», попытаться ответить как теоретически, так и по возможности предложить практические решения тех или иных узловых проблем, которые возникали в годы трансформаций с 1985-го по 1991-й, хотя и не только в рамках этого периода.

Надо сказать, что хотя в книге собраны самые разные работы, они не сведены воедино механически. Книга внутренне структурирована и выстроена логично. Дело в том, что, как Мигранян признаётся, ему хотелось подготовить себя для того, чтобы в решающий момент он мог бы лучше понимать и анализировать природу политического режима, в котором жила наша страна до 1985 г., до прихода к власти Горбачёва, чтобы потом, по ходу процесса трансформации политического режима, иметь возможности предлагать варианты для развития, поскольку то, что произошло с нашей страной, было беспрецедентным в человеческой истории. Никогда до распада СССР не было в истории человечества мирной, постепенной трансформации тоталитарного режима. Были переходы от авторитарных режимов к демократии в Южной Европе, в Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии, во многих других странах, но даже теоретически никогда не ставился вопрос: можно ли – и если да, то как – осуществить переход от тоталитаризма к демократии, потому что классический тоталитаризм не предполагает наличие внесистемных сил, которые должны ломать эту систему – за этим следили партийные структуры, государственный аппарат, спецслужбы. Мигранян сравнивал тоталитарный режим с бочкой, которая скрепляется обручами, и если их попытаться снять, есть угроза, что бочка развалится.

Проблема требовала не только практических действий «сверху» и «снизу», но и подготовительной, прежде всего, теоретической работы. А. Мигранян, освоив последние достижения западной политической науки как по переходам от авторитаризма к демократии, так и по самым разным теориям демократии, включая плебисцитарную Макса Вебера, партисипаторную, плюралистическую, элитарную и т.д., погрузившись в разные направления социализма, особенно немарксистского социализма, а также фабианского социализма, подготовил себя к тому, чтобы предложить своё видение того, как мы должны двигаться и куда идти в процессе трансформации советской политической системы, а также в идеологической сфере.

Уже первая работа, которая в форме статьи была опубликована в «Вопросах философии» в 1987 г., произвела впечатление революционной. Автор отмечал, что всё, что произошло с советской политической и идеологической системой, оказалось *в принципе* не соответствующим политической теории марксизма. По Марксу, государство должно было отмирать, а это означает, что свободные индивиды со своими правами и возможностями должны были формировать институты гражданского общества. В этом утверждении Мигранян лукавил, потому что даже на редколлегии журнала «Вопросы философии» ему говорили: «как Вы можете писать о гражданском обществе, если К. Маркс в немецкой идеологии говорит, что гражданское общество – это буржуазное общество». Для него было важно реабилитировать само понятие «гражданское общество», на многие годы исчезнувшее из официальной идеологии и политических текстов. Развитый индивид, развитые институты гражданского общества, самоуправление институтов гражданского общества должны были, по мысли А. Миграняна, реализовать идею Маркса и Ленина об отмирании государства. И это на фоне шуток, популярной в советское время, что советское государство отмирает через бесконечное усиление, но в реальности, наконец, пришло время, когда можно было бы сказать об отмирании государства, как действительно предполагали основоположники марксизма, в интерпретации Миграняна.

В этой работе он уже смог позволить себе написать, что индивид оказался в процессе развития советской системы поглощён обществом, индивид и общество оказались поглощёнными государством, а индивид, общество и государство оказались поглощёнными партией. А. Мигранян предложил рассматривать эту схему в обратном порядке: индивида вычленил из общества, индивида и общество вычленил из государства, индивида, общество и государство вычленил из партии. Только так появляется возможность формировать и свободного индивида с его неотчуждаемыми правами, и институты гражданского общества, которые могут формировать свободные, не регламентируемые со стороны государства группы людей по интересам, и, наконец, государство, которое имеет свои специфические функции. Ну и, конечно, вместо всеобъемлющей партии – одной, единой и господствующей – формировать множество партий, создавать плюрализм в политической сфере. А это предполагает необходимость покончить с монополией одной, единственной идеологии, а наоборот, обогатить марксизм новыми идеями, в том числе из разных идеологических течений. Без такого преодоления догматизма нельзя было разрушить железобетонную конструкцию советского тоталитарного режима. Мне кажется, что эта работа А. Миграняна далеко опередила своё время, потому что в 1986–1987 гг. даже самые так называемые продвинутые прорабы перестройки всё ещё в своих выступлениях и работах делали акцент на ошибках и злоупотреблениях сталинского режима, обычно сталинской диктатуры. Но не более того.

В большей части работы Миграняна этого периода были посвящены одной и той же проблеме: постижению природы советского режима и попыткам дать

рекомендации, как изменить этот режим. Например, примерно в это время издаётся первая бесцензурная книга «Иного не дано», и А. Мигранян пишет для этой книги главу «Механизм торможения в политической системе и пути его преодоления» – проблема, не утратившая своей актуальности и сегодня.

По его логике, есть три группы конфликтов, которые динамизируют политическую систему и не позволяют, чтобы сложился механизм торможения. Это конфликт между политикой и бюрократией, между законодательной властью, публичной сферой власти и административной властью. Третья группа конфликтов – это конфликт между харизматическим лидером и политической системой в целом. В процессе эволюции советской политической системы и государства два конфликта были ликвидированы немедленно: конфликт между политиком и бюрократией, потому что политик просто исчез из политической системы, и бюрократ стал возглавлять органы исполнительной власти. Исчез конфликт между публичной сферой, т.е. законодательной властью и исполнительной, потому что просто исчезла сфера публичной власти, ибо Советы превратились в квазиплебисцитарный рудимент политической системы, как он пишет в этой же работе для сборника «Иного не дано». И фактически политическая система имела только единственную динамизирующую силу внутри себя – это наличие харизматического лидера И. Сталина над политической системой, справлявшегося с этой политической системой с помощью спецслужб, пропагандистского аппарата, и, конечно, эта система работала только тогда, когда он «пинками гнал» её вперед, время от времени осуществлял «кровопускание», тотальные чистки. Принимаемые решения в значительной степени реализовывались потому, что наличествовал страх перед бдительными спецслужбами, которые следили за тем, чтобы приказы, пожелания и рекомендации вождя были реализованы. Они создавали видимость более или менее эффективной работы этой системы. Но при всём при этом дело в том, что, как отмечает А. Мигранян, единственный период, когда система более или менее работала и давала результаты – это сталинский период. После ухода Сталина фактически исчез и третий элемент, динамизирующий политическую систему. Пришедший на смену Н. Хрущёв уже не имел ни того авторитета, ни той харизмы. Разоблачением культа личности он десакрализировал должность и институт генерального секретаря или лидера партии. После снятия Хрущёва фактически политическая система перестала вообще динамично функционировать и эффективно решать хоть какие-то вопросы, потому что практически сформировалась тотальная бюрократическая система. Бюрократия не была заинтересована ни в каком динамизме, ни в каких серьёзных изменениях и поэтому любые попытки изменения, трансформации, реформ и т.д. заканчивались безрезультатно на разных этапах властной вертикали. Сложилась политическая система, которая воспроизводила себя, причем во всё более ухудшающихся формах.

Этот режим А. Мигранян назвал режимом бюрократического тоталитаризма. Прежде чем реформировать ту или иную политическую систему, необхо-

димо правильно понимать природу политического режима. От этого зависит выбор стратегии реформ. К сожалению, наверное, политической науке и социологии не очень повезло, потому что ни на Западе, ни внутри нашей страны не было ясного и чёткого понимания, какой режим сложился к моменту прихода к власти М. Горбачёва, и какой режим он должен был трансформировать. На Западе считали, что у нас режим посттоталитарный, некоторые считали, что он авторитарный, и так как уже не было массовых репрессий, была определённая оттепель и в сфере духовной жизни, люди уже не были отчуждены от самих себя, даже была возможность «двоемыслия», можно было публично, конечно, поддерживать существующие лозунги, идеологические доктрины, требования и т.д., но внутри, в семье, в дружеском кругу уже можно было иметь другое мнение, можно говорить более или менее свободно о других вещах и быть искренним и, в общем-то, адекватным тому, что на самом деле происходит, не боясь, что могут посадить, сослать, расстрелять и т.д. Это важно помнить, потому что, мне кажется, это выводит нас на другую работу А. Миграняна, посвященную транзитологии.

Надо сказать, что именно в этой сфере он сделал серьёзный вклад в политическую науку, потому что до него никто этого не делал. Собственно, и до сих пор то, что он сделал, не до конца воспринимается, признаётся многими учёными как на Западе, так и у нас в стране.

А. Мигранян был первым, кто в 1988 г. сказал, что от тоталитаризма нельзя непосредственно перейти к демократии, должен пройти довольно длительный авторитарный период развития, при котором будут формироваться институты гражданского общества, рыночные механизмы, и только когда каким-то образом общество будет более или менее сцеплено, сформируются устойчивые институты и новые идеологические установки, станет возможным переход от авторитаризма к демократии, тем более, что в политологии он уже был довольно хорошо разработан в разных странах. Этот вывод Мигранян сделал, ибо, в отличие от многих исследователей как на Западе, так и у нас, не считал, что природа режима после И. Сталина и даже после разоблачения культа личности и т.д. в Советском Союзе, действительно изменилась. Труднопреодолимыми оставались такие факторы, как тотальное отчуждение общества от власти, а также от собственности. Эти проблемы надо было решать фактически с нуля: формировать индивида с его правами, институты гражданского общества, основы новой идеологии, создавать новую партийно-политическую систему, а в этом контексте новую культуру взаимоотношений между разными социальными группами и интересами, которые возникнут в результате крушения тоталитарного монолита. Вот только после этого можно было бы подумать о радикальной политической реформе и переходе к демократии.

Автор пишет об этом во многих работах, представленных в этой книге. Но, к сожалению, эти идеи и предложения, которые были сделаны ещё в 1988–1989 гг., особенно так громко прозвучавшие призывы: «нужна железная рука», «нужна

диктатура», «нужен авторитаризм», не были услышаны ни Горбачёвым, ни его окружением, которое своими необдуманно принятыми решениями по политической реформе вела страну к гибели. Дело в том, что в процессе реформ, особенно в сфере риторики, они дискредитировали единственный институт, на котором всё держалось, — партию — и в итоге, конечно, этот институт через пару-тройку лет, особенно после отмены шестой статьи Конституции, оказался немощным. Ибо вся политическая система, экономическая система, идеологическая система, культура были замкнуты именно на этом институте — на партии, поглотившей всё.

Помимо этого, были дискредитированы силовые структуры — спецслужбы, МВД, армия. Потом уже была дискредитирована идеология марксизма как таковая, т.е. она была не ревизована, она была именно дискредитирована. Некоторые друзья, которые занимались этим, только сейчас поняли, что натворили, в частности, особенно это относится к Александру Цыпко, который в работе, написанной в те годы, «Истоки сталинизма» показывал, что никакого различия между Марксом, Лениным и Сталиным нет, что вся идеология марксизма была членовненавистническая и должна была быть отвергнута.

Политическая наука утверждает, что государство держится на нескольких вещах: на общих духовных ценностях, условно можно сказать идеологических ценностях (на правах и свободах человека); на административной системе, на рыночных механизмах, которые играют ключевую роль в стягивании и единстве страны. Наконец, силовые структуры в целом держат государство, собирают воедино. Но получилась у нас такая интересная ситуация: рынка не было, общей новой культуры на основе новых рыночных ценностей не было, либеральной культуры не было, но мы уже успели в течение трёх лет до 1989 г. дискредитировать партию — единственный институт, с помощью которого можно было осуществить трансформацию. Вот почему нельзя было осуществить, с одной стороны, эту тотальную дискредитацию, с другой стороны, нельзя было осуществить радикальную политическую реформу и, кроме того, власти оказались в ловушке демократии. Много раз А. Мигранян рассказывал, что М. Горбачёв говорил ему в ответ на его вопрос: «почему вы не применяете силу, закон же на вашей стороне. У вас есть конституционное право», а Горбачёв отвечал: «ну как я могу, я выступаю против сталинизма, против репрессий и т.д., а как я могу применить силу, если прольётся кровь». Люди, которые руководили страной, не понимали, что просто разговорами о реформах нельзя управлять государством. Мигранян рассказывал, что однажды Карл Поппер в 1990 г. у себя дома в Лондоне говорил ему, что в России руководители думают, что они говорят, и этими разговорами меняется страна, решаются вопросы. Но ничего не меняется, ибо нет механизма координации.

Во многих своих работах к разным датам «перестройки» А. Мигранян сокрушается по поводу того, что можно было осуществить рыночные преобразования и формировать основы плюралистической политической системы,

интегрировать основные идеи либерализма, связанные с правами, свободами человека, но при этом сохранить страну Советский Союз. Но, увы, этого не было сделано, а потом уже невозможно было ничего исправить. Он много раз цитирует известного французского мыслителя Алексиса де Токвиля, писавшего, что нет ничего опаснее, чем провести радикальные политические реформы в стране, где нет демократической традиции и культуры демократического взаимодействия между разными интересами, разными классами, социальными группами. Очень возможно, что во многих случаях процесс выходит из-под контроля. Процесс приобретает собственную логику, всё это заканчивается хаосом и неуправляемостью, после которых никогда не возникает никакая демократия, а может возникнуть форма самодержавной власти хуже, чем это было до начала политических реформ. По мнению Миграняна, нечто подобное произошло с нами, если говорить о том, почему нам не удалось удержать процесс в жёстких руках и придать ему управляемый характер.

Ещё одно очень важное обстоятельство, на которое обращает внимание А. Мигранян, это то, что такие многонациональные и федеративные, даже квазифедеративные образования, должны быть особенно аккуратны в осуществлении политических реформ, потому что существует угроза консолидации на этнической основе. Она всегда опережает социальную и политическую консолидацию и поэтому, если в начале во всех союзных республиках все были сторонниками «перестройки», то силы, ориентированные на реформы, быстро превращались в национальные и этнические движения. На каком-то этапе центр потерял контроль над республиками, и они разорвали фактически единое «тело» государства.

Кстати, когда во франкистской Испании осуществлялся переход к демократии (Пакт Монклоа), национальные элиты, прежде всего, между собой договорились, что сначала пройдут выборы в высшие органы государственной власти Испании, а потом уже Каталония, Галисия и другие автономные сообщества у себя проведут свободные альтернативные выборы. Договорились на берегу, что нельзя поставить под сомнение единство государства. А у нас не только этого не было сделано, даже понимания этого не было. С формальной точки зрения М. Горбачёв не был легитимным президентом, его народ не избрал, а только Верховный совет. А когда республики отозвали своих депутатов Верховного совета и Съезда народных депутатов, Горбачёв оказался практически в невесомости. И, конечно же, неудивительно, что если до этого лидеры национальных движений, которые «подкрашивались» под либералов и демократов, клялись в верности и любви и к Москве, и к Горбачёву, после того как прошли через альтернативные выборы и стали у себя президентами в своих республиках, то сказали: «До свидания. Мы уже ничего общего не хотим иметь с Москвой, с Россией». Лидер России/РСФСР Б. Ельцин оказался в передних рядах тех же людей, которые работали на разрыв целого, единого государства. Вот к чему это приводит, когда этими делами занимаются люди, которые понятия не имеют, какой ре-

жим они хотят реформировать, и чего они хотят добиться, в какой очерёдности должны действовать. И, конечно, не имели ни воли, ни решимости собственно в нужный момент принимать болезненные и очень тяжёлые решения, как это сделал, например, в 1989 г. Дэн Сяопин.

А. Мигранян – выпускник Факультета международных отношений МГИМО, поэтому я не могу не отметить целый ряд его работ по внешней политике, представленных в этой книге. Считаю важным подчеркнуть, что его работы по внешней политике всегда находились в неразрывной связи с работами по внутренней политике.

Приведу лишь два наиболее ярких примера. После распада СССР министр иностранных дел А. Козырев стал говорить о том, что у нас нет своих особых национальных интересов, они совпадают с интересами наших партнёров, таких как США, европейские государства и т.д. А. Мигранян рассказывал, что в 1992 г. в Москве проходила конференция, на которой Генри Киссинджер сказал: «Вы знаете, России не следует иметь интересы за пределами границ Российской Социалистической Федеративной Республики, т.е. того, что осталось после распада Советского Союза». Реакция А. Миграняна последовала незамедлительно: в августе 1992 г. в «Российской газете» на целую полосу была опубликована статья, где фактически объявлялось, что всё постсоветское пространство является сферой жизненных интересов России, и она не допустит, чтобы какие-либо третьи страны могли утвердиться в какой-то части постсоветского пространства. На Западе эти рассуждения А. Миграняна окрестили «доктриной Монро-Миграняна для России». Увы, через два года стала реализовываться другая концепция, предложенная в пику подходу Миграняна Збигневом Бжезинским в журнале *Foreign Affairs*, о создании геополитического плюрализма на постсоветском пространстве. Одним из элементов реализации этой концепции были шаги по формированию ГУАМ, которая включала сначала Украину, Грузию, Молдову, Узбекистан. В концепции Бжезинского центральной была идея создания противовеса России на постсоветском пространстве, чтобы не допустить единоличного доминирования России.

Приведу ещё один пример связи внутренней и внешней политики, о которой пишет автор. В один и тот же день в августе 1989 г. появились две статьи. Одна в «Московских новостях» под названием «Эпитафия доктрине Брежнева», приведённая в рецензируемой книге. Другая – в «Литературной газете» «Нужна железная рука», где совместно с И. Клямкиным и Г. Целмсом он обсуждал концепцию перехода от тоталитаризма к демократии. Статьи неразрывно связаны между собой – одно без другого не может происходить. А. Мигранян пишет в «Эпитафии доктрине Брежнева»: да, действительно доктрина ограниченного суверенитета, доктрина Брежнева, она уже не адекватна к нынешним условиям. Если мы двигаемся в сторону рынка, плюрализма и т.д., мы не можем не допустить, чтобы страны Восточной Европы внутри себя тоже не были свободными. Хотите иметь десять партий – десять партий, хотите иметь десять разных

идеологий – десять разных идеологий, хотите иметь свободу выезда, приезда и так далее и так далее – ради Бога. Важным видится то, что это не означает, что эти страны должны выйти из сферы преимущественного интереса и, возможно, влияния Советского Союза. И тогда А. Мигранян сформулировал мысль о том, что надо «финляндизировать» Восточную Европу. Если бы не были дискредитированы партийные, силовые и прочие структуры, не разрушили бы мы своё государство и не дискредитировали государственные институты, имели бы сильную авторитарную власть, мы могли бы реализовать внешнеполитическую идею о «финляндизации» Восточной Европы.

А о том, какая должна быть власть внутри России, говорилось в статье в «Литературной газете». Там говорилось, что нужна диктатура, должен быть авторитарный лидер, надо сохранить процесс управляемости в стране, иначе мы свергнемся в хаос. И только при сильной центральной власти мы могли бы последовательно вести линию на сохранение Восточной Европы в сфере интересов СССР и также сохранить Советский Союз от распада.

Я хотела бы остановиться еще на нескольких работах А. Миграняна о внешней политике, которые и сегодня являются весьма актуальными, так как относятся к процессу расширения НАТО на Восток.

В 1994 г. Запад выдвигает концепцию «Партнёрство во имя мира», пытаясь одурачить, как пишет А. Мигранян, Россию: «Примите эту концепцию “Партнёрство во имя мира”, давайте, реализуйте какие-то программы с НАТО, и в таком случае США и Запад не пойдут на расширение НАТО». В прошлом году в журнале *Foreign Affairs* люди, которые создавали эту концепцию, признались, что с самого начала они, конечно же, хотели расширения НАТО и просто пытались «убаюкать» Москву, мол, не будет никакого расширения. Уже в 1994 г. в «Независимой газете» у А. Миграняна появилась статья «Зачем вступать, если лучше не вступать» (это вы можете прочесть в этой книге), где говорится о том, что вступление в эту программу откроет дорогу и включит зелёный свет для дальнейшего расширения НАТО. Собственно говоря, так и произошло. И сейчас уже эти же люди, стоявшие у истоков программы, признают, что изначально они именно на это и были сориентированы.

Не могу не остановиться на одной из работ, имеющей особую актуальность. Это статья «Почему Китай не даст США сломать Россию», которую А. Мигранян написал в 2018 г., реагируя на работу Г. Аллисона «Предназначенные для войны, удастся ли США и Китаю избежать ловушки Фукидида». По мнению автора, у Вашингтона впереди решающая схватка с Китаем за мировое лидерство. Китай уже по всем параметрам опережает или почти опережает США, поэтому важно понять, какое место в этой схватке занимает Россия. Конечно, пока Россия не может претендовать на мировое лидерство, уж слишком незначителен российский экономический потенциал, но её военно-политический очень весомый. На чью сторону встанет Россия, на сторону Китая или США, та сторона и победит в этой решающей схватке. Ещё в 2018 г. Мигранян констатирует, США,

по-видимому, взяли курс на слом России, чтобы в случае решающей схватки она не имела шанса и возможности самостоятельно принимать решение, на чью сторону встать. И впервые эту мысль он сформулировал ещё в работе 2014 г. «На Украине решается судьба мировой геополитики». Там объяснялось, почему Соединённые Штаты Америки не соглашаются на буферный статус Украины, поскольку она должна быть страной, с помощью которой можно вести прокси-войну с Россией и потом способствовать изменению режима в России и т.д.

Такое впечатление, что эти работы написаны как будто сегодня, даётся характеристика и предсказывается ход событий, в каком направлении будет развиваться мировой политический процесс.

И последнее: книга называется «Имеет ли будущее Россия?» А. Мигранян в полемике или в диалоге с великим русским мыслителем П. Чаадаевым обсуждает именно этот вопрос. Мигранян определяет целый ряд факторов, которых не было в России первой половины XIX в., и, видимо, именно по этой причине Чаадаев отказал своей стране в будущем. Мигранян перечисляет эти факторы: отсутствие независимого индивида со своими свободами и правами; отсутствие гражданского общества; наличие в тот период крепостничества и т.д.; тотальная государственность и отсутствие органической связи между разными слоями общества, в частности, между аристократией и крепостным крестьянством. В одном народе фактически были два народа, которые друг друга не понимали, говорили на разных языках и исповедовали разные культурные ценности. Указывает он и на антигосударственную направленность части образованного класса, разрыв в культуре между Европой и Россией, хотя начавшаяся ещё со времён Петра Первого европеизация России всё ещё не доходила до глубин, до гущи народа. И вот на всех этих направлениях П. Чаадаеву казалось, что вряд ли что-то существенное может измениться и поэтому, по мысли А. Миграняна, он считал, что Россия не имеет будущего. Но почти за 200 лет развития России имели место серьёзные продвижения по всем этим направлениям, хотя затем следовали «откаты».

Заканчивая свои рассуждения по поводу будущего России, А. Мигранян делает неожиданный вывод. С ним можно как соглашаться, так и поспорить. Он пишет, что если раньше для России всегда впереди были как бы маяки, на которые надо было ориентироваться, или, как говорил К. Маркс, страны догоняющего развития всегда смотрят на передовую страну как в зеркало, чтобы увидеть свой завтрашний день. И, собственно, так и было в течение многих лет начиная с Петра, когда надо было перенимать многое в сфере науки, образования, образе жизни и т.д., у опережавшей в то время Европы. И многое было перенято. Мы, действительно, стали не просто другой страной и в общем-то весьма продвинутой, развитой, европейской страной. Но в нынешней ситуации в мире происходит как бы ломка старой парадигмы. Те страны, которые, как казалось, шли впереди и могли чему-то научить, во многом утратили эту свою роль.

Например, Конституция США образца XVIII в., которая некогда была образцом для подражания многим европейцам, перестала ею быть с течением времени из-за громоздких механизмов сдержек и противовесов, политической системы, которая не справляется с валом проблем. Многие учёные даже называют её дисфункциональной. Я уже не говорю о некоторых социальных процессах, в частности, вялотекущей гражданской войне между представителями разных рас, в целом, гоббсовская «война всех против всех».

В Европе происходят аналогичные процессы. Если когда-то О. Шпенглер говорил, что только два народа – греки и англичане – создали институты и ценности, причём и материальные, и духовные, на основе духа своего народа, то сейчас впервые Россия оказалась в ситуации, что брать не от кого и нечего. И вот перед Россией сейчас стоит новая, более серьёзная задача и больший «вызов»: сегодня, может быть впервые, России предоставляется возможность реализовать дух собственного народа в адекватных этому духу материальных и духовных ценностях, а также политических институтах. Удастся ли это реализовать? Трудно сказать. Поэтому чаадаевский вопрос, имеет ли будущее Россия, по мнению Миграняна, до сих пор однозначного ответа не имеет. Процесс обретения Россией собственной идентичности до сих пор продолжается. Как известно из истории, решающим моментом в определении этой идентичности были моменты перехода.

Мигранян много раз писал и говорил, что Россия – это не Европа, не Азия и не самостоятельная цивилизация, но Россия приняла и восприняла ценности и институты Европы и в значительной степени уже овладела ими, и, может быть, на этом пути Россия может обрести свою идентичность и реализовать себя, если ориентируется на европейские ценности и институты, но только не сегодняшнего дня, а традиционной Европы. Это спорный тезис, но именно поэтому он интересен и заслуживает внимательного осмысления – Мигранян как всегда парадоксален, неординарен и талантлив. А его книга, безусловно, привлечёт внимание всех думающих читателей.

Об авторе:

Татьяна Александровна Алексеева – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России, Заслуженный деятель науки РФ.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 32
Received: April 10, 2022
Accepted: June 16, 2022

The Future of Russia through the Eyes of Political Scientist

T.A. Alekseeva
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-250-261](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-250-261)

MGIMO-University

Book review: Migranyan A. 2022. *Does Russia have a future?* Moscow: Aspect Press. 678 p.

Keywords: Russia, democratic transit, Soviet Union, USA, "perestroika", theory of democracy

About the author:

Tatiana A. Alekseeva – Doctor of Science (Philosophy), Head of Political Theory Department at MGIMO-University, Honored scholar of the Russian Federation.
E-mail: polittheory@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.